

Фань Цинцзи уже почувствовал неладное, но промолчал, лишь с улыбкой глядя на девушку.

Та не стала продолжать, просто протянула ему изящную бумажную бабочку и, развернувшись, ушла.

Вэнь Цзилинь, наблюдавший за этой сценой, неспешно подошел, лениво усмехнувшись:

— Сегодня у тебя неплохой успех у противоположного пола.

— Она вообще-то звала студента Вэня, — Фань Цинцзи даже не посмотрел на него. — Даже человека перепутала.

— Ну так... кто виноват, что мы с тобой похожи как две капли воды, — Вэнь Цзилинь ничуть не удивился, напротив, он прекрасно всё понимал. — Если честно, она больше любит тебя.

— Бессмысленная дотошность... — он всё равно не собирался отвечать ей взаимностью.

Солнце палило нещадно, надрывно звенел школьный звонок. Фань Цинцзи медленно поднялся с газона, но, сделав шаг, внезапно потерял равновесие и всем телом врезался в грудь Вэнь Цзилиня.

Вместо ожидаемой мягкости он наткнулся на твердые, как сталь, грудные мышцы. Фань Цинцзи едва не прослезился от боли, поднял затуманенный взгляд, а Вэнь Цзилинь смотрел на него с невозмутимым интересом:

— Ушибся?

Казалось, это было куда постыднее, чем потерять равновесие или удариться... Фань Цинцзи молчал, тупо глядя на грудь Вэнь Цзилиня.

Тот будто заранее знал, что он не удержится на ногах. И когда только успел накачать такие мышцы!

Обхватив юношу, Вэнь Цзилинь усадил его обратно на газон и принялся терпеливо массировать ему икры. Тонкие, прямые, белые ноги поблескивали на солнце. Вэнь Цзилинь был полностью поглощен процессом, а Фань Цинцзи вдруг почувствовал, как его лицо заливают краска — то ли от смущения, то ли от жары.

Вернувшись после обеда в общежитие, Фань Цинцзи внимательно рассмотрел утреннюю бумажную бабочку. В изящном почерке читалась робкая, чистая девичья любовь. Романтика юности была не для него, да и сам он не знал, кому она предназначена.

Темные глаза юноши напоминали прекрасную бабочку-гелену в глубине ночи: где бы она ни присела, там и было его сердце. Она всегда принадлежала ему, и всегда была верна своей свободе.

— Нельзя отдыхать сразу после физической нагрузки, — мягко произнес юноша. Фань Цинцзи поднял глаза и увидел ломтик хрустящего сладкого яблока, протянутый к его губам. — Иначе ноги будут ватными.

Он откусил кусочек, размышляя, что тот, должно быть, знал это заранее:

— У тебя такое уже бывало?

— Бывало, — легко ответил Вэнь Цзилинь. В конце концов, он чуть не погиб из-за этого, так что запомнил урок на всю жизнь.

Кондиционер разгонял зной, стрекот цикад сливался с шелестом зелени за окном, принося покой.

Важных уроков во второй половине дня не было. Сонно бормоча, Фань Цинцзи прошептал:

— А мне кажется... ты ей нравишься больше.

Вэнь Цзилинь не ответил. Лишь дождавшись, когда юноша уснет, он коснулся губами его виска:

— Я уже научился создавать такие ароматы, тебе... не нужно обращать внимание на других.

Разве они не были друг у друга? Они были единственным смыслом существования друг для друга.

Изумрудные листья кружились и оседали на подоконнике, отбрасывая тени на тонкие пальцы юноши. Шуршание грифеля по бумаге создавало особую атмосферу выпускного класса. Фань Цинцзи был на грани срыва из-за подготовки к пробным экзаменам.

— Интересно, будут ли вопросы сложными в этот раз?

— В прошлый раз было так трудно, по логике, в этот раз должно быть проще.

— В этом году реформа системы экзаменов, кто знает... Но ты точно сдашь лучше меня.

— Вовсе нет, я в последнее время плохо занимался, а вот ты сильно продвинулся...

Шепот одноклассников был полон тревоги и едва уловимой надежды. Фань Цинцзи вздохнул и, махнув на всё рукой, уткнулся лицом в парту, глядя на тени от листьев.

В учебе у него явно нет таланта...

Сверху опустилось тепло, и знакомый голос мягко произнес:

— Устал учиться? — он почувствовал, как чья-то рука нежно перебирает его волосы, а в ладони тут же оказался его любимый шоколад с матча.

Лениво прищурившись, он поднял взгляд на Вэнь Цзилиня:

— Немного.

Оба они были мягкими по натуре, но Вэнь Цзилинь казался чуточку более зрелым.

Юноша когда-то мечтал о том, каким будет его избранник, но образ был расплывчатым, ускользающим.

Однако в одном он был уверен: он хотел, чтобы второй герой его романтической истории был таким же чутким человеком, как Вэнь Цзилинь.

— Экзамены — это не финиш, а старт жизни, — Вэнь Цзилинь был невозмутим. — К тому же... в плане будущего планирования твои оценки не так уж важны.

Юноша знал, что тот прав, и лишь слегка улыбнулся:

— Самое ценное — это опыт борьбы во время экзаменов.

Диплом — лишь пропуск, а вот упорство и стойкий характер — это вечный двигатель, толкающий вперед.

Глядя на изгиб губ юноши, Вэнь Цзилинь вдруг поймал себя на мысли, что не может отвести взгляд. Этот ослепительный юноша был и его частью тоже...

Кивнув в знак согласия, Вэнь Цзилинь как бы невзначай бросил взгляд на воробья, притаившегося на ветке за окном. Странное чувство, будто за ним наблюдают...

Вечером они лежали на кровати, болтая. Вэнь Цзилинь читал книгу, прислонившись к спинке, а Фань Цинцзи от скуки листал телефон:

— Сегодня одна первокурсница просила мой аккаунт в мессенджере.

Вэнь Цзилинь невозмутимо перелистнул страницу:

— И ты дал?

Оба они старались не привлекать внимания, но из-за своей яркой внешности постоянно оказывались в центре внимания.

Фань Цинцзи горько усмехнулся:

— Она еще и двух своих братьев привела в придачу.

...А как же гордое нежелание поддаваться давлению?

Вэнь Цзилинь заглянул в телефон и ахнул: аппарат просто разрывался от сообщений первокурсницы. Одно за другим, без конца.

— Похоже, ты ей очень нравишься.

Но Фань Цинцзи был необычно спокоен:

— Она скоро сама меня удалит.

Вэнь Цзилинь бросил на него полный сомнения взгляд, а Фань Цинцзи таинственно улыбнулся.

Извини, у меня уже есть тот, кто мне нравится.

Увидев это сообщение, Вэнь Цзилинь перестал сохранять спокойствие. Когда это он успел отделиться от него! Да еще и завести кого-то, кто ему нравится...

Его лицо помрачнело, отражая внутреннюю бурю. Вэнь Цзилинь ощутил нечто странное, позволяя извращенному чувству собственничества окутать юношу:

— Когда это произошло?

Разве они не должны принадлежать только друг другу... они могут принадлежать только друг другу!

Фань Цинцзи, конечно, заметил перемену в настроении Вэнь Цзилиня. В глубине души, помимо недоумения, шевельнулась какая-то болезненная радость:

— Тебя это так задевает?

Вэнь Цзилинь молчал, не сводя глаз с экрана.

Фань Цинцзи решил больше не мучить его и отправил второе сообщение: Его зовут Вэнь Цзилинь, ты должна его знать.

Отбросив телефон, он повернулся, наблюдая за реакцией Вэнь Цзилиня.

Тот явно был ошарашен... выражение лица было сложным и застывшим. Фань Цинцзи почувствовал азарт и ткнул его в щеку:

— Неужели тебе так трудно помочь мне отшить назойливую поклонницу?

Вэнь Цзилинь, только что выстроивший в голове целую теорию: ...

Фань Цинцзи, осознавший, что тот принял всё всерьез: ...Неужели он только что пытался убедить самого себя в этом?!

Воцарилось молчание. Вэнь Цзилинь постарался заговорить как можно более обыденно, но покрасневшие кончики ушей выдавали его смятение:

— Пора спать.

В голове у Фань Цинцзи был полный хаос, уши тоже горели:

— Да... уже поздно.

После того как в десятом классе их поймали за тем, что они тайком спали вместе, Вэнь Цзилинь, чтобы узаконить это право, придумал себе некий недуг. Фань Цинцзи тогда поверил и согласился спать вместе.

Теперь они лежали спиной друг к другу в тишине, но их участвовавшее сердцебиение выдавало, что мысли их были далеки от покоя.

Романтика юности была безымянным цветком в саду молодости. Два юноши, лишь недавно ступившие на этот путь, блуждали в потемках, пытались разгадать тайный смысл цветка и расшифровать его аромат.

Вэнь Цзилинь не помнил, сколько он уже живет на свете. Хотя у него не было любовного опыта, он не был глупцом. Он чувствовал, что это чувство исподволь меняется, перерождается.

На следующее утро на занятиях их то и дело ловили на себе любопытные взгляды. Стало ясно, что их тайна перестала быть тайной. Кстати, многие до сих пор принимали их за близнецов...

Они не обращали на это внимания, именно этого они и добивались. Больше никто не лез к ним, и они смогли спокойно прожить последние два месяца школьной жизни.

— Время летит так быстро, — мать была непривычно нежной и серьезной. — Помнишь, когда я впервые тебя увидела, ты был мне едва по пояс.

Отец по-прежнему молчал, но Вэнь Цзилинь понимал его. Невысказанная грусть была высечена в его сердце. Молчаливая любовь звучала громче любых слов.

Они оба знали, что Вэнь Цзилинь скоро уйдет, и сейчас смотрели на него с нескрываемой печалью.

Восточная сдержанность такова, что любовь всегда остается запертой за зубами. Но в их взглядах, полных тоски, читалось самое откровенное признание, которое безжалостно оставляло в сердце кровоточащие раны, превращаясь в океан невыразимой любви.

Вэнь Цзилинь прошептал:

— Скоро экзамен. — Теплая рука матери отстранилась. Она улыбнулась: — Буду ждать хороших новостей.

Предстоящая разлука была той печалью, которую невозможно было исцелить, сколько бы ты ни жил. Он был связан по рукам и ногам материнской любовью. В этом мире, где всё предопределено, любовь была единственным свободным крылом бабочки.

Он пройдет через это, чтобы вырваться из кокона.

Повернувшись, он вошел в экзаменационный зал и посмотрел на юношу рядом. Они были друг для друга единственным цветочным полем, где можно было обрести покой, и он... он защитит его.

Его бабочка, его цветочное поле.

<http://bllate.org/book/22457/2361610>